

Моррис, Уильям. Письмо Андреасу Шою.

Моррис, Уильям. Искусство и жизнь, 5 сентября 1883. *Избранные статьи, лекции, речи, письма.* Москва, 1973: С. 469–475.

Уильям Моррис. Письмо Андреасу Шою [1]

Кельмокотт Хауз, Аппер Мол

Хаммерсмит [2], 5 сентября 1883

...Посылаю вам весьма скучный очерк моей лишенной особых событий жизни, но, поскольку он попадает к вам, я отваживаюсь предложить вам и остальные мои книги, если вы не найдете их слишком громоздкими, ибо они составляют целую библиотеку и весят полтонны—да простят меня Тор и Один [3] (ибо мне не хочется прибегать к резким выражениям).

;Вы можете использовать этот очерк по своему усмотрению. Я постараюсь приехать на митинг в понедельник. Мне очень хочется повидать жителей Ист-Энда [4]. Как бы мне хотелось, чтобы они писали и поносили нас (членов Исполнительного Комитета) за то, что мы не столь рьяно учим их социализму! Если бы только они делали это и давали бы нам по шиллингу в месяц! Но мы, англичане, довольно тяжелы на подъем. Вы видите, кстати, что деятели тред-юнионов [5] отвергли поправку о Национализации земли. Я знал, что они так поступят, и не могу сказать, чтоб это меня огорчило: буржуазная пресса будет лстить им.

;Я родился в Уолтемстоу в Эссексе в марте 1834 года в пригородной деревушке на краю Эппинг Фореста [6]. Когда-то это было прелестное место, но теперь оно чудовищно обезображено неряшливым строительством на скорую руку. Отец мой успешно занимался делами в городе, и мы жили в условиях обычного буржуазного комфорта. Поскольку мы принадлежали к евангелистской ветви англиканской церкви, я воспитывался, так сказать, в духе пуританизма богатого сословия—той религии, которой я был привержен в детстве.

;Учиться я начал в школе при Марлборо Колледже, и в то время это была новая, но довольно примитивная школа. Что касается моего школьного обучения, я могу с полным правом сказать, что не выучился там почти ничему, ибо там почти ничего и не преподавалось. Но сама школа находилась в на редкость живописной местности, в которой было множество древнейших памятников, и я жадно набросился на их изучение, как и на все то, что имело хотя бы небольшое отношение к истории.

;Таким образом, вероятно, я узнал немало хорошего, особенно потому, что там была неплохая библиотека, в которую я иногда проникал. Должен заметить, что с тех пор, как я себя помню, я в больших количествах пожирал книги. Не припомню, чтобы меня специально обучали чтению, но к тому времени, как мне исполнилось семь лет, я уже прочитал громадное множество книг, хороших, плохих и посредственных.

;Отец мой умер в 1847 году, за несколько месяцев до моего поступления в Марлборо. Но так как он перед своей смертью провел несколько удачных сделок с рудниками, наша семья осталась весьма обеспеченной, или попросту богатой.

;В 1853 году я приехал в Оксфорд, в Колледж Эксетер. В учении я был ужасно нерадив, но начал быстро изучать историю, и особенно средневековую историю, тем более что в это время я оказался под сильным влиянием консервативного направления англиканской церкви или школы Пьюзеитов. Этот последний период продолжался, однако, недолго, поскольку мои пути переменялись благодаря книгам Джона Рёскина [7], которые явились для меня в ту пору совершенным откровением. Значительное влияние оказали на меня также произведения Чарлза Кингсли [8], и я увлекся определенными социально-политическими идеями, которые получили бы во мне большее развитие, если бы не увлечение искусством и поэзией. Еще до окончания

школы я открыл, к немалому для себя изумлению, что могу писать стихи, и приблизительно в то же время сблизился с несколькими юношами, горевшими таким же энтузиазмом. Вместе с ними мы начали выпускать ежемесячный журнал, который издавался (на мои средства) в течение года. Журнал назывался «Оксфорд энд Кембридж мэгэзин» и, поистине отличался молодостью. Закончив свое обучение в Оксфорде, я, сначала собиравшийся стать священником (!!!), решил посвятить себя искусству в той или иной его форме и стал учеником Дж. Э. Стрита [9], который впоследствии спроектировал и построил здание Суда. В то время он практиковал в Оксфорде. У него я пробыл, однако, всего лишь девять месяцев. Когда я был в Лондоне и художник Берн-Джонс [10], мой, близкий друг по колледжу, представил меня Данте Габриэлю Россетти [11], главе школы прерафаэлитов, я решил стать художником. Некоторое время я изучал искусство, хотя и не систематически.

;В то время в Англии наблюдалось быстрое возрождение готической архитектуры, и, разумеется, оно коснулось также и движения прерафаэлитов. Всей душой я отдался этим движениям. Один мой приятель построил для меня средневековый по духу дом, в котором я жил около пяти лет. Я сам принялся за его орнаментирование. Вскоре вместе с моим другом архитектором поняли, что все малые искусства находились в состоянии полного упадка, особенно в Англии, и в 1861 году, с самонадеянной дерзостью юноши, я взялся все это переделать и основал какое-то подобие фирмы, занимающейся производством декоративных изделий. Д.-Г. Россетти, Форд Мэддокс Браун [12], Берн-Джонс и Ф. Уэбб [13], архитектор моего дома, стали главными работниками этой фирмы по части составления художественных эскизов. В то время начинала расти репутация Берн-Джонса. Он стал автором многих художественных эскизов для витражей и всей душой отдавался нашему предприятию. Прошло не так уж много времени, когда мы достигли первых успехов, хотя над нами, естественно, немало и посмеивались. Я относился к фирме как к деловому предприятию и, вопреки всем трудностям, которые нелегко себе представить, начал зарабатывать на этом небольшие деньги. Около десяти лет назад фирма развалилась, и я остался ее единственным участником, хотя еще получаю и помощь и эскизы от Ф. Уэбба и Берн-Джонса.

;Между тем в 1858 году я опубликовал сборник поэм «Защита Генеvры»—по духу исключительно наивных и очень средневековых. Спустя несколько лет я задумал создать свой «Земной рай» и с головой ушел в работу. К этому времени круг моего чтения по истории расширился, и я занялся переводом старонорвежской литературы. Я обнаружил, что это—превосходное дополнение к ленивой поступи средневековья. Кажется, что в 1866 году я напечатал «Жизнь и смерть Язона» [14]—первоначально она предназначалась как одно из повествований для «Земного рая», но оказалась для этой цели слишком велика. К моему удивлению, книга была очень хорошо принята как критиками, так и публикой и они с еще большей доброжелательностью приняли следующее мое произведение—«Земной рай», первую часть которого я напечатал в 1868 году. В 1872 году я опубликовал небольшую фантазию, преимущественно лирического характера, которая называлась «Любви достаточно». Около 1870 года я познакомился с исландским джентльменом г-ном Э. Магнюссоном [15], благодаря которому выучился читать на северных языках. С ним я изучал большую часть этой литературы. Сердце мое было неожиданно тронуто прелестной свежестью и независимостью образа мыслей, чувством свободы, которое просвечивает во всех произведениях этой литературы, преклонением перед мужеством (огромной добродетелью человеческого рода) и их удивительной безыскусственностью. С помощью г-на Магнюссон а я выпустил в свет «Сагу о Греттире Могучем», серию из шести саг под названием «Северные повести о любви» и, наконец, исландское переложение «По-вести о Нибелунгах», которое называется «Сага о Волсунге».

;В 1871 году я вместе с г-ном Магнюссоном отправился в Исландию. Я не только имел удовольствие видеть там овеянные романтикой пустынные места, но получил там урок, который запомнился на всю жизнь, а именно, что самая кошмарная нищета —пустяковое зло в сравнении с неравенством классов. В 1873 году я отправился в Исландию снова. В 1876 году опубликовал перевод «Энеиды» Вергилия, который был достаточно хорошо встречен. В 1877 году я начал свою последнюю поэму «Эпос о Нибелунгах», преимущественно основанную на исландской версии. Я выпустил эту поэму в свет в 1878 году под названием «Сигурд Волсунг и Падение Нибелунгов».

;Все это время я упорно трудился и в своей фирме, где я имел успех даже с коммерческой точки зрения. Я уверен, что не будь я столь настойчив в некоторых принципиальных

отношениях, то мог бы наверняка стать весьма богатым человеком, но даже и теперь мне не на что жаловаться, хотя последние несколько лет в деловом отношении не были успешными.

;Все художественные эскизы, используемые для декоративности,—обои, ткани и прочее—я делаю сам. Я должен был ознакомиться не только с теорией, но и в какой-то степени с практикой ткачества, крашения и ситценабивного дела. Все это, я должен признаться, доставляло и доставляет мне огромное удовольствие.

;Но при всем успехе я не мог не осознавать, что искусство, созданию которого я способствовал, должно отойти со смертью немногих из нас, по-настоящему о нем заботящихся, что перемены в искусстве, основанные на усилиях индивидуумов, должны прекратиться вместе с индивидуумами, вызвавшими эти перемены. И мои занятия историей и мои жизненные конфликты с мещанством современного общества вынудили меня прийти к убеждению, что искусство не может по-настоящему жить и развиваться при нынешней системе торгашества и выколачивания прибылей. Я старался развивать эту точку зрения, которая, по сути дела, представляет собою не что иное, как социализм глазами художника, в различных лекциях, первую из которых я прочитал в 1878 году.

;Приблизительно в то же время, когда я начал столь усиленно размышлять на эти темы и почувствовал необходимость изложить свои взгляды перед широкой публикой, разразился кризис в связи с восточным вопросом и тем волнением, которое завершилось свержением правительства Дизраэли [16]. Со всем энтузиазмом я присоединился к движению протеста, выступая на стороне либералов, поскольку мне казалось, что Англия рисковала оказаться втянутой в войну, и она была бы обязана этим партии реакции. Вместе с этим я ужасно боялся взрыва шовинистических настроений, которые прокатывались по стране, и опасался, что, если война в Европе будет забавлять нас, никому в нашей стране не захочется вникать в социальные проблемы. К тому же я понимал, что в Англии не существует партии более прогрессивной, чем радикалы, которые, запомните это, заявили, что они в оппозиции и к партии, открыто провозгласившей себя реакционной. У меня не было иллюзий на тот счет, что дело закончится победой либералов, хотя я и надеялся, что это сдержит поток шовинизма, национальной ненависти и предрассудков, к которым я всегда буду испытывать глубочайшее презрение. Поэтому я принял активное участие в антитурецком движении, стал членом Общества по решению восточного вопроса и упорно работал в этой области.

;Я познакомился с некоторыми деятелями тред-юнионов того времени, но пришел к выводу, что они находятся под влиянием буржуазных политиканов и как только добьются победы на общих выборах, то не сделают ни одного шага вперед. Деятельность и бездеятельность нового, либерального, парламента, в особенности закон о приостановке конституционных гарантий и война биржевых маклеров в Египте, положили конец последним моим надеждам, которые я мог еще возлагать на союз с радикалами, какими бы прогрессивными они себя ни провозглашали.

;Я вошел в состав Комитета (секретарем которого был г-н Герберт Бэрроуз [17])—этот Комитет пытался выступить в определенной оппозиции к общему курсу, который либеральное правительство и либеральная партия стремились осуществить в первые дни этого парламента. Но деятельность Комитета потерпела полное фиаско, поскольку в ней отсутствовали какие-либо практические принципы, которые могли бы объединять его участников. Я упоминаю об этом с намерением показать, что я серьезно стремился присоединиться к любой организации, которая, казалось, готова была содействовать делу прогресса.

;Следует понять, что я всегда стремился примкнуть к любой организации, открыто провозглашавшей себя социалистической. Так, когда в прошлом году г-н Гайндман предложил мне вступить в Демократическую федерацию [18], я принял это приглашение, надеясь, что она будет выступать в пользу социализма, хотя у меня и были определенные сомнения по поводу ее деятельности. В целом же я должен признать, что в ее деятельности имеется меньше недостатков, чем можно было ожидать.

Мне следовало также написать выше, что в 1859 году я женился, и от этого брака у меня родились две дочери, с большим сочувствием относящиеся к целям моей жизни.

[1] Шой Андреас (Sheu, Andreas)—австриец по происхождению, один из основателей Шотландской социал-демократической партии. В 1883 году в письме к дочери Дженни У. Моррис

дал такую характеристику А. Шою: «Андреас Шой—немец, социалист из Вены, производит впечатление прекрасного парня, хорошо говорит по-английски».

- [2] Хаммерсмит—район в западной части Лондона, где находился дом Морриса—Кельмскоттхауз.
- [3] Тор и Один—боги грома и войны в древнегерманской языческой религии, воспринятой англосаксами.
- [4] Ист-Энд—восточная окраина Лондона, где живет основная часть трудового населения английской столицы.
- [5] Тред-юнионы—профсоюзы в Англии и ее доминионах. Возникли еще в XVIII веке. С 1825 года существуют легально; в 1868 году был основан Британский конгресс тред-юнионов. Тред-юнионы объединяли главным образом квалифицированных рабочих, рабочую аристократию. В конце 70-х—начале 80-х гг. в обстановке острой классово-борьбы в Англии начинается массовое рабочее движение, которое стало называться «новым тред-юнионизмом», в котором принимали участие широкие массы неквалифицированных рабочих.
- [6] Эппинг Форест (Epping Forrest)—лесной массив, расположенный к северо-востоку от центра Лондона.
- [7] Рёскин Джон (Ruskin John, 1819–1900)—английский теоретик искусства, рассматривавший вопросы места и роли искусства в жизни буржуазного общества в свете социально-политических утопий. Основные работы: «Современные живописцы» в 5-ти томах (Modern Painters, 1843–1860), «Семь светочей архитектуры»—(The Seven Lamps of Architecture, 1849), «Камни Венеции» в 3-х томах (The Stones of Venice, 1851–1853) «Политическая экономия искусства» (The Political Economy of Art, 1857) и др. Оказал большое влияние на мировоззрение У. Морриса.
- [8] Кингсли Чарлз (Kingsley Charles, 1819–1875)—английский писатель, «христианский социалист».
- [9] Стрит Джордж Эдмунд (Street George Edmund, 1824–1881)—архитектор, сторонник возрождения готической архитектуры, знаток итальянской и испанской готики. По его проекту построено здание суда в Лондоне. У. Моррис стал его учеником в начале 1856 года.
- [10] Берн-Джонс Эдуард Коли (Burne-Jones Edward Collier, 1833–1898)—живописец, рисовальщик. Участник движения прерафаэлитов. Вместе с Моррисом учился живописи у Д.Г. Россетти. Друг и единомышленник Морриса во всех его начинаниях.
- [11] Россетти Данте Габриэль (Rossetti Gabriel Charles Dante, 1828–1882) - живописец, поэт, основатель «Братства прерафаэлитов». Оказал большое влияние на формирование личности молодого Морриса.
- [12] Браун Форд Мэдокс (Brown Ford Madox, 1821–1893)—живописец, обучавшийся в Бельгии, затем в Париже. Оказал влияние на художников-прерафаэлитов. Участвовал в работе художественно-промышленной фирмы «Моррис и К^о».
- [13] Уэбб Филип (Webb Philip, 1831–1915)—друг Морриса со студенческих лет
- [14] "Кажется, в 1866 году я напечатал «Жизнь и смерть Язона»"—Это произведение У. Морриса опубликовано в 1867 году.
- [15] Магнуссон Эйрик (Magnusson Eirick)—У. Моррис познакомился с ним в 1868 году.
- [16] Дизраэли Бенджамин (Disraeli Benjamin, 1804–1881), граф Биконсфилд, премьер-министр Великобритании в 1868 и в 1874-1880, лидер консервативной партии. Правительство Дизраэли вело политику колониальной экспансии (захват Кипра в 1878, подготовка аннексии Египта и др.), однако неудачные колониальные авантюры Дизраэли в Афганистане породили недовольство в кругах английской буржуазии и в 1880 году правительство Дизраэли потерпело поражение на выборах.
- [17] Бэрроуз Герберт (Burrows Gerbert)—один из ведущих деятелей Социал-демократической федерации.
- [18] Демократическая федерация была основана в 1881 году. В 1884 переименована в Социал-демократическую федерацию; в этом же году Моррис выходит из этой организации в знак протеста против сделки ее руководителя Гайндмана (1842–1921) с консерваторами во время избирательной кампании.